

Вырезка из газеты

ТУРКМЕНСКАЯ
ИСКРА

г. Ашхабад

от 2 9. июля 1984
Газета № 1984Творчество
молодых

ВСТРЕЧИ, КОТОРЫЕ ЖДЕШЬ

боедова, Дон Карлос Ф. Шиллера. Обо всех этих и других, ранее «ыгранных» ролях мы можем судить лишь по рецензиям. Так в а судьба театрального артиста, единственная в своем роде, когда «исполнитель произведения является сам и производителем», и поэтому живо оно только в эту секунду, когда создается, и может жить только в памяти тех, кто присутствовал при его создании.

— Люблю каждую роль, которую играю. Но мне всегда казалось, — говорит Медведев, — что ярче всего можно выразить время и человека в ролях романтических, идеальных героев — таких, как Гамлет, Чацкий, персонажи Шиллера.

Человеческая цельность, удивительное трудолюбие доходят порой у артиста до самопожертвования. Однажды ему пришлось играть сложный спектакль, выполняющий почти акробатические трюки с разбитыми ногами. Он не изменил ни одной мизансцены, что ему просили бы и партнеры, и зрители. Но зритель ничего не заметил, а те, кто знали, какую боль переносит артист, поражались его мужеству.

Умение быстро входить на сцену в любые предлагаемые обстоятельства, выжить в каждом характере его человеческого содержания делает Медведева не только исполнителем замыслов драматурга, но и создателем собственной неписанной драматургии. Примером тому — роль лейтенанта де Лакотри в комедии К. Гольдони «Забавный случай».

— Здесь мне приходится играть спектакль в спектакле, — рассказывает артист. — Второй спектакль, который я разыгрываю по воле любимой девушки, и мне, и моему лейтенанту не очень нравится.

Из-за несоответствия характера героя тому, что вынуждают его делать любовь и обстоятельства, и рождается комедийность. Де Лакотри — Медведев не умеет перестраиваться в зависимости от обстановки. В финале кажется, что лейтенант Медведева рад не столько женитьбе на любимой девушке, сколько тому, что больше не надо никого вводить в заблуждение. Артист как бы говорит: всему есть предел, даже любви, если она требует «шутки» с окружающими. Если Гольдони предполагал такой финал и такой характер своего героя, то Медведев воплотил это

желание со всей присущей ему изобретательностью, искренностью и полнотой.

Присутствует в этой роли артиста некоторое отстранение от своего персонажа, взгляд на него как бы со стороны. Такая манера исполнения присуща и работе В. Медведева в спектакле «Последняя жертва» А. Островского. Роль Дульчина имеет большую театральную историю. Великие русские артисты Ленский, Станиславский, Южин играли Дульчина по-разному — осуждали, оправдывали, разоблачали. Медведев смеется над Дульчиным, вернее, грустно усмехается. В мире, где все продается и покупается, Дульчин-Медведев — неудачник. В финале, когда его, избитого, покупает вдова — миллионерша, он смеется и жалеет.

Не было еще на сцене нашего театра творческой исповеди артиста, хотя была роль, в которой он очень близко подошел к ней. Это была роль капитана Беринга в «Оптимистической трагедии» Вс. Вишневского, поставленной Русским драматическим театром им. А. С. Пушкина к XXVI съезду КПСС. Трагична судьба Беринга. Вот он проходит по палубе. Белоснежным платком дограгивается до стволов орудий, проверяя их чистоту. Что это? Старая привычка, выработанная годами службы на флоте, или сознательная попытка сделать вид, что ничего не произошло, все идет по-старому — революция революцией, а служба службой?..

Появление дамы на корабле не вызывает в нем удивления. Рука протянута по-особому, не для пожатия, во взгляде — ирония: извините, время не для хороших манер. Но какими сразу холодными становятся глаза, когда в ответ на замечание комиссара (дама оказалась комиссаром) рука офицера дернулась к фуражке для служебного приветствия. Перед нами — хозяин корабля, его командир, правда, низложный, но командир, и яч он останется до конца. Таков его служебный, а главный — гражданский долг. Беринг Медведева не разделяет долг на профессиональный и гражданский, и в этом его настоящая русская интеллигентность, интеллигентность офицера, привявшего Октябрьскую революцию и готового служить народу. Его Беринг сродни Блоку, Тимирязеву.

И еще одна интересная работа артиста — роль Иона в спектакле «Кумир и Ион» цыганского драматурга Д. М. Замфиреску. Мы уходим из театра, унося с

собой образ странного своей естественностью, обычно-стью человека. Герой Медведева видит недостатки людей, и они не мешают ему их любить. Но он страдает от того, что люди не понимают друг друга, предпочитают истине красивую ложь. Он пытается показать, что отношения, основанные на уважении, могут привести к гармонии бытия. Но окружающие Иона остаются глухи к его призыву, ибо им неизвестна радость от добра, сделанного другому. Он для них просто чужак и неудачник.

Придя к выводу, что ему не изменить ни мира, ни себя, Ион решает уйти из жизни. И мы вдруг понимаем, что без него наша жизнь станет скучной, и нам хочется крикнуть: «Остановитесь! Ведь вы только что выжили, что «жить — это значит медленно рождаться, что чересчур просто было бы приобрести готовую душу». И мы видим духовное рождение человека, пробуждение в нем личности. Под влиянием Иона родился не только новый Фросо. В драматической ситуации по-новому раскрылся и сам Ион.

Человеческая индивидуальность, творческий интеллект, умение и желание работать привлекли к В. Медведеву внимание кинематографистов. После небольшой роли в фильме «Дерево Джемал» Ходжакули Нарлиев пригласил артиста на одну из основных ролей в своем же фильме «Каракумы, 45 градусов в тень». Увидим мы В. Медведева и в картине режиссера Ходжакурды Нарлиева «Люди моего аула», в которой он снимается также в одной из главных ролей.

А в ленте «Каракумы...» уже отснята большая часть эпизодов с участием артиста. Еще не смонтированные и не озвученные, они тем не менее позволяют судить о киноактере Виталии Медведеве.

— Медведев — для меня открытие, — говорит Ходжакули Нарлиев. — Он — человек абсолютно творческий, всегда готовый к работе и внутренне и физически. С полуслова понимает режиссера. Очень требовательный и к себе, и к роли. В каждом эпизоде вносит что-то свое, индивидуальное. Артист тонкий, мягкий. Его героям свойственна «грусть» о несвершившемся, неуспокоенные памяти, несмирение совести — все, что составляет человеческую тайну» и что, собственно, составляет предмет искусства. С удовольствием буду с ним работать и в других фильмах.

Ф. ЕМЕЛЬЯНОВА,
театровед